

Dorovský, Ivan

К вопросу славизмов в албанском языке

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná.
1965, vol. 14, iss. A13, pp. [187]-190

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/100383>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

К ВОПРОСУ СЛАВИЗМОВ В АЛБАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопросом славизмов в албанском языке занимались многие ученые-слависты. Однако, история диалектологии и вообще славянская лингвистика должна заниматься интересным вопросом влияния окружающих славянских языков (и даже неславянских, напр. влияния греческого языка) на албанский язык, на его строение, лексику и т. д.

Разными аспектами этого вопроса занимались в прошлом Ф. Миклошич,¹ А. М. Селищев,² Фасмер³, Мейер⁴ и др.

Советский Комитет Славистов АН СССР издал в 1963 году по случаю V Международного съезда славистов в Софии доклад А. В. Десницкой „Славянские заимствования в албанском языке“.⁵

Десницкая на 10 страницах дает хороший исторический обзор всех важнейших работ, касающихся данного вопроса. На основе анализа новых материалов она пытается увеличить список славизмов в албанском языке. С приведенным, однако, ею списком новых славизмов, которые отсутствуют в работах предшествующих исследователей, нельзя полностью согласиться.

Надо сказать, что восточные албанские диалекты и вообще северо-восточная территория Албании подвергалась славянскому влиянию, главным образом со стороны сербского языка и западных македонских диалектов (находящихся в настоящем в Македонии и Греции).

Особенно оживленными были связи албанцев с славянским населением северо-западной Греции, точнее говоря, с македонским населением, живущим на территории Греции. Албанские пастухи и земледельцы общались с македонскими, македонские жители пограничных сел ездили и ходили молотить зерно в Албанию, долгое время развивалась взаимная торговля, главным образом товаров домашнего производства, скота и пр. И совсем естественно, что эти связи отразились в лексике обоих языков (албанского и македонского, или же сербского), связанной с сельским хозяйством, с растениями, с животными и их заболеваниями, с *разными явлениями* и т. д.

Десницкая в своей работе недостаточно учла приведенный факт и не опиралась на македонские диалекты в Греции. Потому некоторые приведенные Десницкой славизмы нуждаются в более подробном, точном и обстоятельном объяснении.

Нам хотелось бы уточнить некоторые приведенные ею слова и добавить их значение в македонских диалектах Костурской⁶ и Леринской областей.

Jaz, -i, m. имеет в болгарском языке немножко другое значение: плотина, запруда, канавка. Объяснение албанского слова мы должны искать в костурском (поречском) диалекте, где слово существует точно в том же значении, как и в албанском (отводка воды на мельнице). — Слово patericë, -a, f., болг. пáтерица, македон. патéрица — „костыль, палка“ заимствовано как

албанским, так и болгарским и македонским языком из греческого и нельзя потому его считать славизмом. (Ср. греч. *πατερίτσα*).

Sakavicë, -a, f. „топорик, топор“, болг. только в диалектах сакавица „топор, секира“, в то время как в костурских македонских диалектах это слово существует в форме „сакавица, секавица, сикавица, сикавичка“ с таким же значением, как в албанском языке. Албанское „*sternishtë*, -a, f. „жнивье“, макед. и серб. стрниште, болг. стрънище, но тоже в костурских диалектах старнишче, *стернишче* (Нестрам). — *Stog*, -u, m. „стог“ — ст.-сл. стогъ = стог, куча, серб. стог; в болгарском это слово в диалектах, но слово живет и в македонском литературном языке и в диалектах с тем же значением — стог, множ. число стогови (костурские диалекты). — *Shlivë*, a-, f. „сливовая водка“, серб. шльива, но и македон. диалектное шлива = слива. — Северо-восточно-албанское слово *vadë*, -a, f. Десницкая объясняет как „единицу воды, достаточной для поливки участка земли, засеваемого одним человеком в течение одного дня“ и сравнивает его со сербским вода = узкая канава, желоб. С тем же значением, как и в албанском, слово существует в костурских диалектах (села Чука, Граче и др.) в форме вада, пл. вади) „трапче за да пушче водата — Граче). Слово существует в албанском и македонских диалектах также в форме глагола *vadit* = поливать, орошать, в форме прилагательного *vadites*, -e, оросительный и существ. *vaditje*, a, f. полив(ка), орошение. — Существительного *velenxë*, -a f., pl. -a, -at (z **valenica*), домотканное шерстяное одеяло, покрывало обыкновенно с длинным ворсом (в болгарском и сербском языках нет). Десницкая его сравнивает с болгарским глаголом *валям* и с серб.-хор. *валяти* = „валять (шерсть)“. Однако, слово *велѣнце*, мн. ч. *велѣнца*, *веленѣйна*, *веленѣйна* существует в костурских и леринских диалектах и даже в греческом языке „*βελέντσε βελέντζα*“ (где оно было заимствовано из славянского). — *Roskaves*, -i, m. „хрящ“ можно объяснить не только сербским *хрסקавица* или македонским *рскавица* (суффикс — ица), но прежде всего македонским диалектным словом „*роскавец*“ (Нестрам), или *рускавец* (с. Чука и др., Кост. область, с. Граждено и др., Лерин. область). — Албанское слово *bic*, -i, m. „поросенок“ вряд ли можно предпологать, что было принято из серб.-хор. *бѣца* = карлик, маленькая лошадка“. Лучше будет сравнивать его с македонским словом *бѣше* = свинья, *бишѣнце* = поросенок, *бѣшка* = свинья и пр. — *Oreshk ë*, -a, f. = „растение со съедобными клубнями“, (= арахис) ср. болг. брех, но лучше сравнить с македонским диалектным словом „орешки“ (= арахисы = *burgské oříšky, arašidy*). — *Pojavë*, -a, f., (Пука, сев. Албания), *ponovë* (Devoll, юго-вост. Албания) „шерстяное покрывало“ — серб. поъвава = рядно, покрывало, ср. русск. попява = кусок холста, покрывало. В македонских костурских диалектах (Чука, Граче) можно встретиться со словом *появ* („*появ шо го завиве малого детле*“) со значением „запеленать ребенка шерстяным поясом“ или „веревка, которой заматывают маленьких детей. — Албанское слово *topnik*, ë, -a, f. не обозначает судороги, а мурашки, гусиную кожу, так, как и в болгарском и македонском. (Судороги по-албански *ngërth, ngërç, konvulsion, spazmë*). — Слово „*strup*“ не обозначает струп только на голове ребенка, но вообще струп на любых частях тела человека или животных. Слово существует не только в сербском, но и в македонском языке (болг. струпѣй). — Слово *kukon*, -i, m. не горбун, как приводит

Десницкая, а человек, который идет с поднятой головой, прямо, в сказках обыкновенно сидит на лошади или на осле (горбун по-албански = *gungaç*). Со словом *кукона*, *кокона* встречаемся в диалекте сс. Чука, Граче, Нестрам и в других селах недалеко от границ Албании с первоначальным значением „павлин“ и с тем же значением как в алб. языке. Болгарское и сербское *кука* имеют другое значение — „крюк“ и нельзя на их основе объяснять албанское слово *kikon*. — *Postal, pastatem*, „устать, утомиться“ правильно сравнивается Десницкой с русск. глаголом (*по*) *устать*. Однако неправильно ее утверждение, что в южнославянских языках такое образование не засвидетельствовано. Слово можно найти в костурских диалектах в форме глагола „*постана*“ *ке* „*постана*“ и в форме прилагатель. *постанат*, *постаната*, о, и, со значением „устать, поустать, утомиться“.

Албанское слово *prozval* „унизить“, оскорбить“ Десницкая неправильно считает славизмом. В связи с этим она пишет, что *prozval* „является редким случаем заимствования славянского глагола не в форме инфинитива, а в форме причастия“. Однако, надо сказать, что слово *prozval* по происхождению не славянское, а заимствованное из греческого. Ср. греч. *προσβάλλω* „оскорбить“.

Также происхождение слова *orgvatem* „стараться, пытаться, прилагать все усилия“ надо искать не в славянских языках или наречиях, а в турецком языке, где существует слово *ербан* (arab. *arbab*) и в македонских диалектах Костурской области, куда слово перешло со значением „человек опытный, способный, компетентный“ и т. д. — Слово *puçit* (в сочетании *puçit buzët*) „пучить, надувать (губы)“ находится не только в сербском *пуçити* „надувать (губы)“, но и в македонских говорах с тем же значением и также со значением „высовывать (заднюю часть тела)“. Вообще можно сказать, что сочетание *puçit buzët* является, по-моему, редким заимствованием из македонских костурских диалектов, так как слово *buzë*, -а, f. обозначает в албанском языке губы. В македонских диалектах Костурской и Леринской областей существует слово *буза*, мн. ч. *бузи* с таким же значением, как в албанском (ср. „и пучи бузите“ и также „го пучи (напучи) газо“). — *Trokàs* (основа *trokat-*, аор. *trokita*) „стучать (в дверь)“ должны сравниваться не с сербским „тркати“, „бегать“ (ясно, что сербский глагол имеет совсем другое значение), ни с болгарским *търкам* „тереть“, а с македонским диалектным словом „тропам (на вратата)“ (некой тропа навратата) или „ропам (на вратата)“.

Десницкая права, что формы с сохранением ринезма на албанской почве очень интересны с фонетической точки зрения. Она приводит следующие примеры: *rend* (*rend* = ст. сл. *redъ*). *Rend* = ряд, порядок, класс, строй (общественный) не сохранилось в костурских македонских диалектах, но сохранился глагол *ренда*, *рендши* „ставить в ряд, расставлять“ и мн. ч. существительного *редпрет* — *рендови* с одинаковым значением, как и в албанском. — Слово *zharitem*, *zhuritem* „1. жечься, 2. перен. гореть, пылать“, можно найти в македонских диалектах в форме 3 л. ед. ч. *жароса* (*жгуроса*), *се жароса* и т. д. — *Zhigas* (основа *zhigat-*) „наносить черные пятна“, существует в костурском диалекте в форме *жигосвам*, -аш, с одинаковым значением.

Албанское слово *torka*, *toroi* „1. след, колея, след животного, 2. тропинка, 3. осторожность, бдительность“ этимологически происходит из

слова *трага* (**torga* > *troga*), которое существует в костурских и леринских диалектах и также в албанском в форме *tragë* -a, f., pl. -a, -at со значением признак, знак, примета, след. Мы предполагаем, что первое слово (*torka*) заимствовано в период начальных языковых контактов и второе (*tragë*) после полной языковой ассимиляции славянского населения, так как языковые славяно-албанские контакты продолжаются до сих пор. В диал. с. Баница (Леринская обл.): *tor* = патека, кога ќе поминат многу луѓе.

Что касается элементов словарного состава албанского национального языка, которые приводит Десницкая, надо сказать, что не у всех правильно объяснена их славянская основа или происхождение. Так, слово *bu jar*, -e, ‚великодушный, щедрый благородный‘, его наречие *bu jarisht* и существительное *bu jarí*, -a, f. ‚великодушие, щедрость, благородство‘, нельзя сравнивать с болг. *болярин* и серб. *боляр*, а с македонским диалектным словом „бујар“ (човек), которое существует с тем же значением, как и в албанском языке. — Слово *grusht*, -i, m., pl. -e, -et, ‚кулак, удар кулаком, горсть, группа людей‘, может быть заимствовано из болг. *грѣст*, македонского *грст*, макед. диалект. *гарст* ‚горсть‘ или из греческого *γροδιά* (греч. разговор. *γροφδιά*). — *Porosi*, -a, f. можно сравнить не только с болг. *порѣвам* и серб. *поручити* ‚заказать‘, но и с македонским словом Нестрамского диалекта *порочвам* (вместо болг. ъ встречается О как и в албанском).

В заключении можно сказать, что в работе А. В. Десницкой сделаны серьезные выводы о характере славяно-албанского языкового взаимодействия и что ее исследование является большим вкладом в изучение вопросов балканской лингвистики и диалектологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Fr. Miklosich, Denkschriften der Kais. Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse, Bd. XIX, Wien, 1870.

² См. А. М. Селищев, *Славянское население в Албании*, София, 1931.

³ M. Vasmer, *Studien zur albanesischen Wortforschung*, Dorpat, 1921.

⁴ G. Meyer, *Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache*, Strassburg, 1891.

⁵ А. В. Десницкая, *Славянские заимствования в албанском языке*, изд. АН СССР, Москва, 1963. Более подробную литературу предмета там же.

⁶ См. Ар. Кузов, *Костурският говор. С етнографични белешки върху костурчани*, Известия на семинара по славянска филология на Университета в София, кн. IV, София, 1921, стр. 86—125, и также M. Małeckí, *Drobjazgi z Macedonji*, Lud Słowiański, tom III, Kraków 1934.